

— Ха-ха-ха-ха-ха!..

Сорванное свидание, конечно, раздосадовало Цзи Яо, но удручённый вид Цзян Цютуна, обречённо прижавшего ладонь ко лбу, мигом исправил положение. Парень хохотал всё безудержнее. Ткнувшись лбом в чужое, твёрдое как камень плечо, он едва не складывался пополам от смеха.

Цзян Цютуну было и смешно, и досадно. Шлёпнув наглеца по мягкому месту, он без лишних слов сгрёб его в охапку, усадил прямо на письменный стол и навалился сверху всем телом.

Цзи Яо опешил. Он и подумать не мог, что в этом рафинированном доценте кроется такая недюжинная сила. Округлив глаза, он недоверчиво пощупал его литое предплечье:

— Да откуда в тебе столько дури?!

Цзян Цютун перехватил его ладонь и засунул себе под рубашку. Под пальцами перекатился рельефный, твёрдый как камень пресс. Ровные, безупречно очерченные кубики.

— Колись, ты туда что-то вколол? — Цзи Яо захлестнула жгучая смесь зависти и досады. Он почувствовал себя уязвлённым в самых лучших чувствах. Сам он каждое божье утро проклинал всё на свете, изнуряя себя тренировками, бегал до седьмого пота и гонял в баскетбол с Чжан Хэ ради едва проступающих контуров пресса. И тут какой-то книжный червь, не вылезаящий из аудиторий, демонстрирует идеальный рельеф?!

Несправедливость чистой воды.

Раньше-то Цзян Цютун никогда не раздевался при нём и не позволял распускать руки. Цзи Яо втихомолку злорадствовал, списывая это на комплексы: мол, доцент просто робеет перед его спортивным телосложением. И вот тебе, сука, поворот...

Цзян Цютун был слишком проницателен, чтобы не заметить эту бурю чувств на лице парня. Он снисходительно хмыкнул:

— Если бы у тебя имелся неуправляемый младший братец, который то ломает ноги, то сбегает из дома, калеча себя на ровном месте, и тебе приходилось бы каждое утро наматывать с ним по десять километров, ты бы тоже так раскачался.

«...»

Цзи Яо мигом отпустило. Душевное равновесие восстановилось.

На его лицо вернулась привычная шкодливая ухмылка. Он лениво вскинул длинные ноги,

обхватил ими талию доцента и, приобняв его за плечи, интимно зашептал на ухо:

— У тебя сегодня ещё есть пары?

У Цзян Цютуна судорожно дёрнулся кадык. Он опустил голову, впиваясь взглядом в лицо зажатого на столе парня:

— Нет.

Цзи Яо порочно улыбнулся и дразняще скользнул влажным кончиком языка по чувствительной мочке его уха:

— Какое совпадение. У меня тоже.

Дорога до квартиры Цзян Цютуна осталась в памяти обоих сплошным размытым пятном. В тесном салоне машины царила звенящая тишина. Они сидели подчёркнуто прямо, уставившись на дорогу перед собой, не делая попыток соприкоснуться руками и даже избегая встречаться взглядами.

Но воздух между ними буквально искрил от напряжения. Густой, пьянящий коктейль из феромонов заставлял сердца колотиться как безумные. Обоим сделалось невыносимо, удушливо жарко, кровь прилиwała к вискам. Цзи Яо с трудом сглотнул слюну и, сделав вид, будто просто меняет позу, небрежно закинул ногу на ногу, пытаясь прикрыть заметный бугор в паху.

Цзян Цютун даже не повернул головы, сосредоточенно глядя на дорогу. Однако внутри него всё натянулось струной. Слух обострился до предела: малейший шорох одежды соседа, его прерывистое дыхание — всё это запускаяло в голове мужчины лавину диких, развратных фантазий.

Они демонстративно игнорировали друг друга, но прекрасно понимали, какая буря бушует в мыслях напарника. Это порочное, безмолвное единодушие кружило голову. Они упивались затянувшейся прелюдией, и даже бесконечная дорога казалась им восхитительной, сладкой пыткой.

Едва припарковав машину в гараже, Цзян Цютун выскочил наружу, рванул пассажирскую дверь и почти грубо выдернул Цзи Яо из салона. Крепко сжав его ладонь в своей, он размашистым шагом направился к лифту.

В запертой кабине они были одни. Не сговариваясь, оба уставились на полированную металлическую стену, разглядывая в ней свои напряжённые лица и расплывчатый силуэт стоящего рядом партнёра.

Но стоило им переступить порог квартиры, как напускное хладнокровие Цзян Цютуна разлетелось вдребезги. Он с грохотом захлопнул дверь, подхватил Цзи Яо под бёдра, впечатал спиной в стену и набросился на его губы с диким, голодным поцелуем.

Этот рот, вызывавший у него одновременно и ярость, и нежность, вечно сыпал фальшивыми, дразнящими фразами, но манил безумной сладостью. В кабинете он лишь слегка пригубил этот нектар, и теперь неуголённая жажда требовала взять своё. Он должен был выпить его досуха.

— М-м... ах... да...

Цзи Яо не ожидал, что этот заносчивый эрудит окажется в постели настоящим ураганом. Захлёбываясь безумным поцелуем, он крепко обнял мужчину за шею, а ногами намертво оплёл его поясицу. Они плотно прижались друг к другу, трюясь пахом сквозь слои одежды. Волна острого удовольствия мгновенно ударила в голову, застывая взор пеленой.

Они двигались вслепую, спотыкаясь и лихорадочно срывая друг с друга одежду, которая сиротливым шлейфом усыпала пол от самой прихожей. Наконец они рухнули на кровать в спальне, сплетаясь в один неистовый клубок рук и ног.

Широко разведя колени партнёра, Цзян Цютун прижал к нему свой напряжённый член и подался вперёд, готовый с ходу войти внутрь.

Цзи Яо от неожиданности едва не лишился дара речи:

— Ты что, прямо насухую туда ломанёшься?!

Цзян Цютун уже успел отбросить очки в сторону. Его обычно безупречно уложенные волосы были взъерошены и зачёсаны назад, открывая высокий лоб. Крупная капля пота скатилась с виска и, сорвавшись с кончика породистого носа, упала прямо на грудь Цзи Яо.

Он требовательно выгнул бровь. В хриплом голосе прорезалось непривычное, почти дикое нетерпение:

— А что, нельзя?

Цзи Яо успел перехватить его руку и едва не задохнулся от возмущения:

— Конечно нельзя, придурок!

— М-х-х!.. — Цзи Яо резко выгнулся, от острой боли у него потемнело в глазах. С силой вцепившись в плечи мужчины, он притянул его к себе, заставляя встретиться взглядами. — Ты... нарочно это... сука... а-ах!..

Цзян Цютуну самому было чертовски несладко, но вид этого искажённого мукой и яростью лица принёс ему такое извращённое, пьянящее удовлетворение, что собственная боль мгновенно отступила на задний план.

— Хватит... постой... ты же меня разорвёшь...

Цзи Яо наконец сломался, в его хриплом шепоте слышались слёзы.

В глазах Цзян Цютуна блеснуло торжество. Этот строптивый наглец уже был готов сдаться, подчиниться его воле. Ещё немного... ещё пара мгновений... нужно лишь дожать.

Их интрижка с самого начала напоминала изощрённую шахматную партию, где силы оставались равны. Эта первая постельная сцена должна была стать решающей: тот, кто первым запросит пощады, навсегда упустит инициативу и признает чужое превосходство. И сейчас Цзи Яо стоял на самой грани капитуляции. Оставался всего один шаг —

Вдруг Цзи Яо вскинул руку и мёртвой хваткой вцепился в горло доцента. Его пальцы сжались с угрожающей силой:

— Ты что, блядь, творишь?!

Цзян Цютун даже не попытался убрать его руку, лишь издевательски хмыкнув:

— А сам как думаешь?

Цзи Яо едва не задохнулся от злости. Ему ещё никогда не попадался настолько невыносимый, расчётливый садист. Цзян Цютун не напоминал неопытного юнца, сумбурно рвущегося к финалу. Нет, он вёл себя как уверенный в победе триумфатор, высокомерно и вальяжно дегустирующий свою добычу.

Захочет — казнит, захочет — милует.

Ощущение чужого тотального контроля над собой было просто омерзительным.

Цзян Цютун продолжал неторопливо покрывать поцелуями его шею и плечи, застыв глубоко

внутри и давя всей своей массой. Цзи Яо прекрасно понимал этот маневр. Доцент выжидал. Ждал, пока его гордость будет сломлена и он жалобно запросит пощады.

Внутри Цзи Яо всё клокотало от бешеной ярости. Он до боли сцепил зубы — слова мольбы костью застряли в горле. Юй Сьюань был его официальным бойфрендом, и Цзи Яо баловал его, уступал ему исключительно из снисхождения, а любые игры в покорность были лишь приятным развлечением. Но кто такой этот чёртов Цзян Цютун?

Обычный случайный прохожий, которого он подцепил от скуки! Очередной трофей в его любовной коллекции, призванный развлечь его и скрасить серые будни!

По своей натуре Цзи Яо был из тех, кто понимает только ласку, но наотрез отказывается прогибаться под давлением. Как-то раз Юй Сьюань крупно накосячил, и они оказались на грани разрыва. Но стоило тому сорваться среди ночи, прилететь к нему и показать покрасневшие от слез глаза, как вся злость Цзи Яо мгновенно улетучилась.

Но если кто-то пытался брать его силой, пытался сломать...

У Цзян Цютуна много гордости? Да у него самого её ничуть не меньше!

Окончательно взбесившись, Цзи Яо со всей силы толкнул мужчину в грудь и рванулся в сторону, пытаясь выбраться из-под него. Цзян Цютун, не ожидавший столь яростного отпора, потерял равновесие и завалился набок.

Цзян Цютун нахмурился, недовольно процедив:

— Ты какого чёрта брыкаешься?

Цзи Яо смерил его ледяным взглядом. Морщась и придерживая ноющую поясницу, он сполз на пол и принялся лихорадочно собирать разбросанные вещи.

В Цзян Цютуне тоже вскипела злость. Он резко подался вперёд и мёртвой хваткой перехватил его за запястье:

— Цзи Яо, блядь, что это за фокусы?!

Цзи Яо яростно вырвал руку:

— Отъебись! Решил прогнуть меня под себя в постели? Хрен тебе, закатай губу обратно!

<http://bllate.org/book/20554/2178245>